

Той войной жестокой отрешённый

Навсегда от света...

И во мгле

Я иду. Бедой – не сокрушённый.

И живу со всеми на земле.

М. А. Щербинин

НЕПРЕРЫВНО ВРАЩАЕТСЯ ГЛОБУС...

**К 65-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ
СОВЕТСКОГО НАРОДА
В ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**

**К 75-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
МИХАИЛА АНТОНОВИЧА
ЩЕРБИНИНА**

РОСТОВ - НА - ДОНУ

2010

**АВТОР ТЕКСТА
Е. И. СОКОЛОВА**

**РЕЛЬЕФНАЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ ГРАФИКА:
Л. А. ЖУРАВЕЛЬ**

**РЕДАКТОР ПО БРАЙЛЮ
В. И. МАРТЫНОВ**

**ФОТОГРАФИИ:
Л. А. ЖУРАВЕЛЬ**

**ОТВЕТСТВЕННАЯ ЗА ВЫПУСК
Т. Н. КОНДРАТЕНКО**

**БРАЙЛЕВСКИХ ЛИСТОВ:
УЧЁТНО-ИЗДАТЕЛЬСКИХ ЛИСТОВ:**

ТИРАЖ: 5 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

**ОТПЕЧАТАНО В ГУК РО
«РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»**

**АДРЕС:
344002, Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ,
УЛ. ТЕМЕРНИЦКАЯ, № 50**

ТЕЛЕФОН: 240-79-56

**В ТЕКСТЕ ИСПОЛЬЗОВАНЫ
ЛИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ М. А. ЩЕРБИНИНА**

**ГУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»
ВЫРАЖАЕТ БЛАГОДАРНОСТЬ
РОСТОВСКОМУ ОБЛАСТНОМУ МУЗЕЮ КРАЕВЕДЕНИЯ
ЗА ПОМОЩЬ В ПОДБОРЕ ФАКТОГРАФИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА**

ОСВОБОЖДЕНИЕ РОСТОВА

*Такая выдалась година,
Что даже вспомнить нелегко...
Была войны лишь середина
И до победы далеко.*

*Была зима и лютый холод.
И краткий Родины приказ:
Освободить наш южный город –
Открыть ворота на Кавказ...*

*Сошлись на праздник ветераны,
Их всё тесней, всё уже круг,
И всё сильнее ноют раны,
И всё тревожнее недуг.*

*И под мелодию баяна
Они как будто слышат вновь
Суровый голос Мадояна:
«Вперёд! За наш родной Ростов!»*

*И вспоминаются картины,
Что позабыть никак нельзя:
Родного города руины
И в битвах павшие друзья.*

*Освобождение Ростова
Мы отмечаем каждый год.
И в нашей памяти сурово
Живое прошлое встаёт.*

Михаил Щербинин

СОДЕРЖАНИЕ:

От героев былых времён.....

Зелёный парус надежды.....

«Пятёрки» в таблице-календаре.....

В ночь на 8 февраля 1943 года штурмовая группа советской пехоты скрытно перешла по льду через Дон и проникла в Ростов. Немцы заметили разведчиков – отряд понёс большие потери.

То, что случилось потом, в истории назовут одним из самых невероятных примеров героизма II Мировой.

Собрав уцелевших солдат, лейтенант Гукас Мадоян стремительным штурмом выбил немцев из здания Железнодорожного вокзала и там закрепился.

В течение шести дней отряд Мадояна удерживал вокзал, отбив **сорок три(!)** атаки немцев. За это время основные части Красной Армии успели подойти к Ростову и взять город.

День 14 февраля 1943 года стал самым счастливым для выживших ростовчан. Южная столица наконец могла вздохнуть свободно.

*Тёплый ветер дует, развезло дороги
И на южном фронте оттепель опять...
Тает снег в Ростове, тает в Таганроге –
Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать!*

*Об огнях-пожарищах, о друзьях-товарищах
Где-нибудь когда-нибудь мы будем говорить...
Вспомним мы пехоту и родную роту.
И тебя, товарищ мой, что дал мне закурить!*

*Давай закурим, товарищ, по одной,
Давай закурим, товарищ мой!..*

Именно об окончательном освобождении Ростова-на-Дону – эти трогательные строчки из песни несравненной Клавдии Ивановны Шульженко.

Как известно, за храбрость Гукасу Карапетовичу Мадояну было присвоено звание Героя Советского Союза.

Но известно далеко не всем, что Президент Соединённых Штатов Америки Франклин Делано Рузвельт наградил Мадояна Золотой медалью «За боевые заслуги».

ОТ ГЕРОЕВ БЫЛЫХ ВРЕМЁН...

Чем ещё прославилась Донская земля в суровые годы Великой Отечественной?

Многим.

А о чём ещё не помнят?

О многом.

Разрешите кратко напомнить.

- Ну, например, под Азовом и Аксаем воевал один из гениальнейших советских актёров – Владимир Абрамович Этуш.

- Или: о ростовских «ночных ведьмах» – военных лётчицах – снят один из любимейших советских фильмов – «В бой идут одни старики».

- Ещё: Пётр Иванович Прядко и Геворк Андреевич Вартанян – одни из лучших разведчиков мира. Ростовские Штирлицы.

Геворк Андреевич является прообразом героя Игоря Костолевского в фильме «Тегеран-43».

А о том, как работал Пётр Иванович, Верховному главнокомандующему докладывали лично: *«Товарищ Сталин, разведчик Прядко задание выполнил».*

- В Ростове-на-Дону жила Епистинья Фёдоровна Степанова. Одна из великих матерей мира.

Девять сыновей родила Епистинья Фёдоровна.

Все девять погибли *«в боях за свободу и независимость нашего края»*, как написано на мемориальной доске, установленной на фасаде дома № 32 на 20-й Линии.

- И из Ростова же на-Дону – *«самый бескорыстный донор в мире».*

Так назвала Нинель Ивановну Генералову – внучку казнённого за покушение на царя народо-вольца – Книга рекордов Гиннеса.

Вначале – жизнь советской принцессы, потом – дочери врага народа.

Начала она свой путь санитаркой – в 1942 году. В 13 лет. А за полвека сдала 300 литров своей крови – спасла примерно 600 жизней.

Война и Донская земля.

До сих пор много неизвестного, неизученного, потерянного, забытого, специально неупоминаемого.

О чём речь, например?

Опять же, о многом.

Итак.

Во-первых. И – в самых главных.

«Ростовская наступательная операция 1941 года – одна из самых крупных наступательных операций Советской Армии в войне».

Это – Энциклопедия «Великая Отечественная война».

Далее.

«Советский город Ростов-на-Дону – первый крупный населённый пункт такого масштаба, отбитый у армии Гитлера».

Это – Сообщение «Би-Би-Си». Декабрь 1941 года.

Почему мы не помним этого?

Хоть спору нет, тебе досталось...

Но смыты копоть, кровь и пот,

Но та усталость – не усталость,

Когда победа жить даёт.

Ты поработал не задаром:

Настанет срок – народ-герой

Сметёт врага с земли родной,

*И слава первого удара –
Она навеки за тобой.*

Так писал о боях за Ростов-на-Дону по самым горячим следам – в 1941 году – замечательный русский поэт Александр Трифонович Твардовский. Его трудно упрекнуть в необъективности: уж кто-кто, а он-то знал, что происходило на той войне!

Это ведь не какой-то бойкий стихоплёт... Автор «Василия Тёркина».

Ростовские краеведы задают такой вопрос: случайность ли, что первые поражения во II Мировой войне гитлеровцы потерпели не где-нибудь, а именно под Ростовом-на-Дону и под Тихвином, если известно, что русский север несколько столетий был местом паломничества донских казаков?

Что – с другой стороны – Дон сделали вполне Доном, каким его знает история – беглые с высылки северяне-новгородцы?

Что в осаждённый царскими воеводами Соловецкий монастырь на помощь к монахам-старообрядцам явились донцы-разинцы?

Что нарисованное Пушкиным Лукоморье может быть, вообще-то, и Азовским, и Соловецким?

А план зимнего контрнаступления Красной Армии в 1941 году один к одному воспроизводит древнерусскую оперативно-тактическую схему с полком левой руки (Ростов), полком правой руки (Тихвин) и главной ратью (Москва)?..

Удары наносились по нарастающей, и первый – самый сокрушительный морально (именно потому, что первый) – нанёс город с перечисленными выше историческими корнями.

Наш Ростов-на-Дону.

И случайность ли, что у Ростова украли «славу первого удара»?

Случайность ли, что так же, как Ростов не получил заслуженного им звания Города-Героя, – не получил своей Золотой Звезды и Алексей Берест, человек, обеспечивший водружение знамени Победы?

И дело даже не в том, что его – Ростов – сдавали.

В конце концов, Одессу тоже сдавали. И Минск.

Вот замелькало в местной прессе о Ростове: Южная столица. Первая мысль: чиновники себе цену набивают. Вполне возможно.

Однако случайность ли, что «Южная столица» появилась синхронно с планами передачи части столичных функций Петербургу?..

Независимо от бюрократических игр, сам собой всплывает старинный – петровских и александровских времён – спор Юга с Севером, где быть молодой столице?

Далеко не всё, выходит, мы знаем о нашем городе.

Давайте вернёмся сейчас на 65 лет назад и поговорим о Ростове времени сталинского, военного.

К сожалению, известный постулат «Никто не забыт, и ничто не забыто» далеко не всегда соответствует истине.

В течение 35 лет сотрудники Ростовского областного музея краеведения по крупицам собирают факты, из которых складывается картина героической обороны Ростова-на-Дону и подвигов, о которых до сих пор не знают. А если и знают, то замалчивают.

Потому что подвиги эти относятся не к победоносным, а к трагическим событиям нашей истории.

Мёртвые срама не имут, но и защитить себя не могут.

Трудно спустя несколько десятилетий восстанавливать события военных лет. Бороться с мифами – ещё труднее. Тут Ростову крупно не повезло: в 1942 году возник миф о недостойной его защите, увековеченный знаменитым сталинским приказом «Ни шагу назад».

Впрочем, и картина первой – 1941 года – обороны Ростова даётся, как правило, неполной и оттого искажается представление о событиях тех дней.

В памяти поколений осталось то, что 17 ноября началось наступление на Ростов. Отражая атаку, прославилась батарея Сергея Оганяна.

Но, преодолев оборону защитников полка Народного ополчения, немцы заняли город. Через неделю наши войска стремительным ударом освободили Ростов и откинули врага за речку Миус.

Это – наш **ПЕРВЫЙ** военный успех.

Это **ПЕРВЫЙ** успех во всей **ВТОРОЙ** Мировой войне.

Это **ПЕРВЫЙ** нокаут фашистской военной машине.

До того – всё (собственно, без отпора), включая помпезные европейские столицы, голову склоняло. Историки считают, что в этом безропотном склонении виноват и Советский Союз.

Возможно.

Но у нас сейчас речь не о геополитике, а о тысячах жизней советских людей. Их принесли в жертву – они стали непреодолимым заслоном на пути хвастливого гитлеровского плана «Барбароссы».

21 ноября 1941 года гитлеровцы ворвались в город.

А 29-го – их оттуда уже выкинули.

Сталин направил тогда войскам в Ростов – первое за период военных действий – поздравление.

Как это было?

Ноябрь выдался лютый. Наступали советские войска с Дона – с берега низкого.

А с высокого...

С высокого «фрицы огнём поливали. Лёд весь был красный от крови солдатиков наших... А за трупами льда потом и совсем видно не было. Это был ад», - рассказывают свидетели-горожане, которым тогда было лет пять-семь...

А вот так написал немецкий генерал, участник тех событий Пауль Карель. Книга называется «Восточный фронт»: «Чтобы представить себе, как могла атаковать и умирать советская пехота, надо было побывать на берегу Дона, в Ростове». Эти слова относятся к штурму Ростова в 41-м нашими бойцами.

А английская газета «Таймс» отметила, что «наступление под Ростовом – наиболее сильный и эффективный удар, который когда-либо наносили армии по фашизму».

В среднем, дивизии врага потеряли от 50 до 70 % личного состава.

Это – первая оккупация. Всего неделя. Хотя и за эти дни новые хозяева успели «нахозяйничать».

Была и вторая.

Самая вопиющая несправедливость совершена в отношении бойцов, защищавших Ростов летом 1942 года. В сталинском приказе «Ни шагу назад» прямо сказано, что «наши войска, идя вслед за трусами и паникёрами, сдали Ростов и Новочеркасск без боя, без приказа Москвы, покрыв свои знамёна позором».

И 65 лет наши и зарубежные историки послушно повторяют эту насквозь лживую формулировку:

«Без боя»!

- Не знаю, кто подсунул Сталину такую информацию о Ростове, - говорит старший научный сотрудник Ростовского областного музея краеведения Владимир Афанасенко, - но я в течение многих лет собирал свидетельства и документы о том, что здесь происходило.

Оказалось: на штурм Ростова немцы бросили в два раза больше войск, чем на штурм Сталинграда, и бои здесь были более жестокими, чем за Сталинград. За четыре дня погибло более 100 тысяч наших солдат. Почти вся 56-я армия полегла в этих боях. А немцы потеряли техники больше, чем при Сталинграде...

Вероятно, это связано с отношением и Сталина, и его окружения к казачеству. Зуб на казаков был у них с Гражданской войны. А уж когда в Великую Отечественную 15 тысяч казаков стали под знамёна добровольческого корпуса Гельмута фон Панвица...

Вряд ли Сталин симпатизировал нашему краю. После его приказа Ростову уже нечего было рассчитывать когда-нибудь на звание города-героя. Хотя он его, безусловно, заслужил...

Но не сложилось.

Не город-герой.

Только воспетый Твардовским Город Первого Удара.

-...Сейчас редко вспоминают, что Ростов в 42-м немцы заняли только с **третьей(!)** попытки. Причём им противостояли в основном необстрелянные наши мальчишки.

Винтовка – одна на двоих, а то и на пятерых, коробок спичек – один на десятерых, и надо его по-братски поделить, сделать запал для бутылки с бензином – нашего «противотанкового орудия». Для многих этих ребят первый бой стал последним. Они полегли на этой земле, но задержали немецкое наступление. Заставили немецких командиров изменить направление удара...

Эти пацаны совершали геройские подвиги. Сержант-наводчик Иван Атаманов в одиночку (расчёт перебит) с повреждённой пушкой уничтожил шесть танков. Их искорёженные останки заградчили другим машинам путь на Ростов, и Атаманов один удерживал эту важную стратегическую позицию у села Чалтырь.

У младшего лейтенанта Алексея Близнюка был только ТТ, командирский свисток и бутылка с бензином. В первом же бою, когда 50 немецких танков пошли на недовооружённую 353-ю Новочеркасскую дивизию, он бросился под головной танк и уничтожил его ценой собственной жизни. И такие же необстрелянные бойцы, вдохновлённые этим примером, сожгли ещё 22 немецкие машины. И удержали рубеж. Подобным примерам несть числа. Немцев эти мальчишки потрепали изрядно. Но кто знает, кто вспоминает их имена?

- И, - подчёркивает, Афанасенко, - боюсь, что в ближайшее десятилетие справедливость не восторжествует и с защитников Ростова не снимут незаслуженное обвинение...

От героев былых времён

Не осталось порой имён...

Давайте, Уважаемый Читатель, вспомним хотя бы некоторые.

Вспомним и поклонимся...

Побег из Собибора

Тогда, в 43-м, в фашистском концлагере Собибор вспыхнуло восстание.

Это был единственный случай – за всю II Мировую войну(!) – когда узники лагеря смерти сумели, смяв эсэсовскую охрану, вырваться на свободу.

Повезло.

Организовал и возглавил восстание советский солдат – ростовчанин Александр Аронович Печёрский.

«Сколько кругов было в дантовом аду? Кажется, девять. Сколько уже пройдено? Окружение, плен, лагерь в Вязьме, Смоленске, Борисове... И наконец здесь. Что будет дальше?» - так написал Печёрский в послевоенных воспоминаниях об осени 1943 года – когда попал в Собибор.

Что будет дальше?

А дальше – после легендарного побега – признали изменником и отправили в штафбат. Снова повезло – отделался ранением и инвалидностью.

А когда уже весь мир узнал об этом подвиге и международный трибунал пригласил героя в Нюрнберг свидетелем, из СССР его не выпустили.

А потом и вовсе забыли.

Зато в США сняли блокбастер «Побег из Собибора» с Рутгером Хауэром в главной роли. Фильм стал сенсацией. Хауэр получил «Золотой глобус».

Режиссёр Джек Голд приглашал Александра Печёрского на премьеру, но – снова не дали визу...

На родине об этом человеке практически ничего не знают, а в Собиборе возведён монумент.

Посмертно живой

Звезду Героя панфиловцу Ивану Добробабину так и не вручили: весь советский народ и лично товарищ Сталин знали, что все 28 защитников Москвы погибли.

По словам дочери Ивана Евстафьевича – умершего в Цимлянске в 1996 году – отец ждал награды до последнего. *«Уже перед смертью он сказал мне: знаешь, дочка, если они теперь даже принесут эту звезду, ты не бери...»*

16 ноября 1941 года у разъезда Дубосеково под Москвой 28 бойцов Панфиловской дивизии под командованием политрука Клочкова задержали армаду из 50 немецких танков, пытавшихся прорваться к столице.

С лёгкой руки журналиста Кривицкого, канонизированы были 28 человек. В «Красной Звезде» от 28 ноября 1941 года он написал «Завещание двадцати восьми павших героев», где и появились ставшие крылатыми слова, якобы сказанные погибшим политруком Клочковым: *«Велика Россия, а отступить некуда! Позади Москва...»*

Все панфиловцы были удостоены звания Героя Советского Союза. Посмертно.

Но пятеро из «павших» имели неосторожность остаться в живых...

В бою при Дубосеково наш земляк Добробабин оказался самым старшим и самым опытным из бойцов. Политрук Клочков, вчерашний учитель, погиб в самом начале боя. Командование взводом принял Добробабин.

Но он не был коммунистом, и поэтому вдохновителем подвига назначили политрука.

А потом – попал в плен. При конвоировании сумел бежать. Пришлось надеть форму помощника старосты Зинченко в Перекопе – помогал людям прятаться от фашистов.

Зинченко – герой. Добробабин – изменник и потому – 15 лет лагерей.

Повезло. Освободили после смерти Сталина, но не реабилитировали. Добробабина оправдаешь – пересажать надо тех, кто посадил его...

Дочь добралась до журналиста Кривицкого. Тот тоже не осмелился опубликовать правду.

Реабилитировала Ивана Евстафьевича Украина в 1993 году.

Россия – так и не сподобилась.

Клоун Яша

Бывший клоун Ростовского цирка Яков Семёнович Гофтман спасал жизни маленьких узников концлагеря Бухенвальд.

Когда в детском бараке появился новый уборщик, мало кто обратил на него внимание. Но вскоре дети узнали – это настоящий цирковой клоун!

Детвора дядю Яшу обожала. В условиях ада он умудрялся устраивать целые представления: шутил без умолку, показывал разные фокусы, забавные репризы.

Даже соорудил из швабры, двух проволочек и консервной банки музыкальный инструмент и исполнял весёлые частушки.

И дети – смеялись.

А ведь этих детей – пленных – нацисты переименовывали, изолировали от других узников, заставляли говорить по-немецки, готовили – для участи рабочего скота.

Клоун Яша восставал, как мог.

Он писал ребёнку русскими буквами имя, фамилию, город – на песке – чтобы при приближении охраны можно было быстро стереть.

А дети запоминали.

Совсем уж отчаявшимся давал простую воду, утверждая, что это чудодейственное снадобье. Поможет! И помогало, потому что верили...

Страшно подумать, если бы обо всём этом прознали эсэсовцы!

Но – пронесло.

Дядя Яша участвовал в бухенвальдском восстании, организованном за несколько дней до прихода освободителей.

Ему тоже повезло – вернулся в родной город. Доживал в Ростове.

Но город Якова Гофтмана забыл.

Сегодня – даже в здании Ростовского цирка нет ни мемориальной доски в память безграничного мужества артиста, ни стенда.

Последний бой

В результате бездарно спланированной и бездарно проведённой операции по освобождению Харькова наш Юго-Западный фронт понёс одно из самых страшных поражений.

К вечеру 21 июля 1942 года три морские бригады (68-я, 76-я и 81-я) 56-й армии заняли позиции по окружности под Ростовом. 14 тысяч моряков – плохо вооружённых, со слабой артиллерийской поддержкой, без танкового и авиационного прикрытия – встали на пути отборных дивизий вермахта, преградив им путь к воротам Кавказа.

Это – трагедия.

Моряки могли противопоставить нацистам только бесстрашие и героизм. У них не было опыта отражения танковых атак и окопной обороны...

Генерал Рыжов понял свой просчёт и пытался заменить морские бригады стрелковыми дивизиями, но было поздно...

Пытаясь как-то исправить ошибки Генштаба, комфюжфронта генерал Малиновский предпринял контратаку. Не успел.

На рассвете 22 июля бригады приняли на себя весь удар врага. Дни 22 и 23 июля стали адом для немцев и, к сожалению, для моряков. Жара, жажда, артиллерийский огонь со всех сторон, непрекращающиеся атаки танков...

В наш город немцы вошли только 24 июля.

А потом и родился тот страшный приказ «Ни шагу назад».

Прошли десятилетия.

И сегодня в Ростове нет ни одной улицы, названной в память тех – 68-й, 76-й и 81-й – героических бригад.

Вот так. Не всё помнит мир спасённый.

Но мир спасённый плохо помнит своих героев не только времён Великой Отечественной.

Огромное небо

«Огромное небо – одно на двоих» – кто не знает этой пронзительной, рвущей душу, песни?
А кто знает, чему и кому она посвящена?

Реальному подвигу.

А реальный её герой – ростовчанин.

6 апреля 1966 года пилот Борис Капустин и штурман Юрий Янов, служившие в Группе советских войск в Германии, получили приказ перегнать на соседний аэродром истребитель «ЯК-28». Во время полёта у самолёта отказал двигатель. Лётчики могли катапультироваться, однако когда падающая машина пробила облака, они увидели под собой центральный район Берлина...

Капустин до последнего момента оставался за штурвалом, сумев увести самолёт за город. В результате оба лётчика погибли, упав вместе с неподвластной машиной в озеро.

Героев, пожертвовавших собой ради спасения сотен чужих жизней, в последний путь провожал весь Берлин. И до сих пор в Германии 6 апреля каждый год проводятся торжества, посвящённые памяти погибших лётчиков – спасителей немецкой столицы.

В 2001 году в их честь был воздвигнут мемориал.

По-немецки выведено: *«В память обо всех жертвах холодной войны. Они отдали свои жизни, чтобы спасти других людей. Старший лейтенант Янов. Капитан Капустин. 6 апреля 1966».*

У гранитной плиты – всегда цветы.

К сожалению – в Ростове – Бориса Капустина практически не знают, хотя его имя носят школа № 51 и одна из улиц.

А несколько лет назад на Северном кладбище, где похоронен Герой Советского Союза, какие-то вандалы изуродовали надгробие...

Стыдно.

Наши враги в той страшной войне – оказались на высоте.

И памятник Советскому солдату-освободителю в Трештов-парке реставрируется и оказывается ему должный почёт.

А как выглядят мемориалы в Змиёвской балке и в Кумженской роще, лучше не вспоминать...

Что может библиотека?

Только – **далёкому мужеству верность храня** – не прекращать поиски материалов об этих наших так незаслуженно забытых земляках и на страницах наших будущих книг рассказывать о восстановлении исторической справедливости.

Какое лицо у войны?

Светлана Алексиевич утверждает, что не женское.

А какое?

Войну каждый описывает так, как увидел и как запомнил.

И, наверное, война у каждого тоже своя.

Откроем книгу воспоминаний Людмилы Марковны Гурченко «Моё взрослое детство».

Книга великолепная. А особенно берут за душу строки, посвящённые войне, потому что это – война глазами ребёнка.

Не женское лицо у войны, и не детское.
Да вообще, у неё лица нет!
Есть лишь отвратная личина алчности, религиозного и расового шовинизма и жажды вселенского господства.

Но детям в войну – хуже всего.
Потому что у них украдено детство.
А бывает, что и не только детство.

И сегодня мы расскажем Вам, Уважаемый Читатель, ещё об одной страничке из –
- летописи Великой Отечественной;
- летописи нашего города;
- летописи нашего ВОС
и
- летописи нашей библиотеки.

Страничка эта – предмет давней ВОСовской гордости!
И нашей, библиотечной.

ЗЕЛЁНЫЙ ПАРУС НАДЕЖДЫ

*Звучала песня боевая,
И вёл мелодию баян.
В строю бойцов шагал, играя,
Гвардеец Ваня Полуян.*

*Он шёл до города Ростова,
И он его освобождал.
И с фронтовой песней снова
Вперёд, на Запад он шагал, -*

такие строки посвятил участнику освобождения Ростова-на-Дону Ивану Константиновичу Полуяну – нашему сегодняшнему читателю – **герой нашего сегодняшнего повествования**.

А о себе отозвался так:

*Всюду только звуки, звуки, звуки,
Ни цветов, ни красок больше нет.
Голоса знакомые и руки
Создают и образ, и портрет.*

*Яркими мазками не богаты,
Прозвучат мои стихи струной.
...С детских лет рассветы и закаты
У меня украдены войной.*

Этот человек является номинантом Международной премии «Филантроп» в области художественно творчества инвалидов. Номинация – «Поэтическое творчество». Одна из подписей на Дипломе – от самого Кобзона.

Ещё он – лауреат премии «Стойкость».

Ветеран производства, заслуженный работник ВОС, победитель соцсоревнования.

Член Союза писателей Дона – Региональной казачьей общественной организации.

Его стихотворение «Рама» вошло в учебное пособие для средней школы «Край родной» – «Хрестоматия для чтения». Раздел – «Стихи о военном детстве».

Он – постоянный автор донских альманахов «Окраина» и «Южная звезда».
Автор поэтических сборников «Орг`ан», «Тревога», «Эхо», «Фортуна», «Судьба».

Награждён Почётной грамотой за подписью президента Всероссийского общества слепых Александра Неумывакина.

А, вообще, Грамот – не счесть.

«За успехи в организации и осуществлении учебно-воспитательной работы на Ростовском УПП»...

«За участие во всесоюзном коммунистическом субботнике»...

«За высокое исполнительское мастерство и активное участие в «Фестивале искусств инвалидов по зрению Северного Кавказа»...

«За активное участие в смотре-конкурсе стенных и радиогазет»...

«За творческие успехи, достигнутые на Областном смотре ВОС»...

«За вклад в искусство Донского края, творческий поиск, активную жизненную позицию и яркий пример совершенствования личности»...

«За реабилитационную работу среди инвалидов по зрению, за пропаганду поэтического творчества»...

«За активное участие в работе по изобретательству и рационализации»...

А ещё он – организатор и бессменный руководитель Ростовского объединения эсперантистов «Зелёный парус».

Играет на баяне и на трубе.

А ещё на его стихи пишут музыку.

И это всё – об одном человеке?

Да. Об одном.

Зовут его Михаил Антонович Щербинин.

Наш неунывающий и всеми любимый

МИХАИЛ АНТОНОВИЧ ЩЕРБИНИН.

Родился он 17 мая 1935 года.

Позвольте, а какая же «рама» включена в учебник?

Которую в детстве «мама мыла»?

Да. Мама.

Да только ничего не мыла.

Кричала...

Над хутором кружила «рама»,

Вот-вот, казалось, упадёт.

А мы кричали: «Мама, мама!»,

В канаве прячась у ворот.

Как будто этот «фриц» проклятый

*Над нами тешиться решил:
Всё ниже, ниже, вровень с хатой,
Со страшным рокотом кружил...*

*В заботах годы пролетели,
Но жальят ужасы войны.
Под шум дождя и стон метели
Мне не дают покоя сны:*

*Всё надо мной кружится «рама»,
Всё опускается она.
И я кричу, как в детстве: «Мама!»
И продолжается война...*

«Рама» – это фашистский бомбардировщик.

К этой теме – теме войны глазами ребёнка – поэт Щербинин будет обращаться всю жизнь.

Когда я начала собирать материал для этого повествования, то, первым делом, естественно, обратилась к самому поэту Щербинину с просьбой поведать о себе любимом.

Оказалось, что взялась за непосильный труд – поэт Щербинин о себе не говорит.

Сначала – было сложно встретиться. Михаил Антонович ссылаясь на занятость, нездоровье, потом и в самом деле уехал в санаторий...

Наконец, согласился на встречу – принёс объёмистую папку с Почётными грамотами, газетными вырезками и ксерокопиями статей. На беседу – не остался.

Но, кроме стандартных текстов Грамот, всё это было, в основном, о ВОСе, друзьях и эсперанто.

Потом он передал кассеты с записями.

На кассетах – песни (снова на эсперанто), запись одного из щербининских юбилеев.

Что говорят на юбилеях? Тосты произносят. Опять же, стандартные тексты...

Я снова стала просить о встрече.

Наконец, получила согласие.

Он пришёл. Вспоминал о ВОСе, друзьях, эсперанто – но о личной жизни – почти ничего.

Потом я напросилась в гости, разговорилась – и тут, наконец, поняла, что Михаилу Антоновичу просто неудобно рассказывать о себе.

Вот такой это скромный человек.

Пришлось идти другим путём – брать интервью не у юбиляра, а у тех самых друзей и знакомых юбиляра.

А понять и узнать поэта, наверное, можно, только если поняты и узнаны его стихи.

Вот и давайте попробуем всё это сделать.

И начнём со стихотворения, которое называется «Глобус».

Оно многое объясняет.

*Непрерывно вращается глобус,
Все спешат непонятно куда.
Вот подходит маршрутный автобус,
Переполненный он, как всегда.*

*Поднимаю стремительно ногу,
Может быть, протолкнусь и войду.
Нет, швырнули меня на дорогу.
Ничего. Я другой подожду.*

*Терпеливо другого дождался.
На посадку кондуктор зовёт.
Я уже на ступеньку взобрался –
Оказалось, что это не тот...*

«Жизнь – это вызов, прими его», - говорила – может быть, самая удивительная женщина XX века – Мать Тереза.

Вот Щербинин этот вызов уже 75 лет и принимает...

- Только потерявший глаза, истинно знает, что он потерял, и вправе сравнить слепоту со смертью. Преодолев недуг, встав над ним, он пишет стихи гуманные, полные зрелого восприятия бытия, предметные и умелые, хотя М. Щербинин остаётся любителем.

Многие строки его можно цитировать – настолько они яркие, афористичны, столько в них поэтически явленных мыслей и чувств. Мир Михаила Щербинина широк и многообразен, слово о нём доходчиво и убедительно, он тонко чувствует связь человека с бытием:

*Боюсь, что руку протяну –
И испугаю тишину.*

...Поэт неустанно и плодотворно работает; то, что он делает, заслуживает уважения и внимания, -

это – председатель Ростовской областной организации Союза Российских писателей Николай Егоров.

А Николай Китаев в рекомендации (Союзу писателей) написал так:

- Давно слежу за творчеством Михаила Щербинина и поражаюсь его внутреннему воображению и несгибаемой воле; умению через многочисленные препятствия добиваться своего на литературном поприще...

Михаил Щербинин – человек тонкий, ранимый, талантливый, он один из людей, кому выпало нелёгкое испытание найти себя в жизни, в творчестве, в общении...

*Я так хочу всё правильно понять,
Но к сердцу пробираются сомненья...
Не допусти у внуков жизнь отнять
Как у меня в войну отняли зренье.*

Какие непростые, какие кричащие строки, адресованные всем нам, видящим, но порой глухим и равнодушным!

Михаил Щербинин – и тонкий лирик, и жизнеутверждающий философ:

*От стакана море не мельчает,
И оно не чувствует беды.
Только капля тоже означает,
Что чуть-чуть уменьшилось воды.*

...Михаил Щербинин – автор нескольких поэтических сборников....

Конечно, в этих сборниках можно найти и уязвимые, не совсем удачные строки, но ведь как сказала Анна Ахматова, «у любого, даже большого поэта, можно набрать сборник безукоризненно плохих стихов».

И ещё рекомендация, от Василия Борздова:

- С удовольствием читал обыкновенную человеческую книгу Михаила Щербинина «Фортуна». Стих его не лишён душевной теплоты, чаще всего – точен, профессионален; образность мягкая, ненавязчивая; тематика – разнообразная. Амплитуда колебаний его полотен – широкая – от миниатюр – до поэмы. Изложение ровное, последовательное.

Почти каждое слово твёрдо занимает своё единственное место, что в поэзии очень важно.

Это – свидетельства профессионалов-литераторов по поводу умения владеть словом.

А теперь – слово другу Владимиру Левадному:

- Среди многочисленных из ныне (спустя столько лет) оставшихся в живых – выстрадавших Отечественную войну категорий россиян – это дети войны.

Число ныне живущих участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла скрупулёзно подсчитано.

Детей войны никто не считал.

Прорывая стратегические «котлы», высвобождаясь из «мешков», порой отступая по всей линии фронта, бросая оружие, боеприпасы и амуницию, войска Красной армии вынужденно оставляли на покидаемой территории детей и их матерей на произвол судьбы.

Никто и сейчас не знает, сколько детей погибло от вражеских пуль, сколько – от осколков гранат, снарядов, сколько – от авиабомб чужеземцев, сколько беззащитных малышей было раздавлено гусеницами «тигров», «фердинандов» и «пантер».

7-летнему Мише Щербинину из хутора Калиновка Кашиарского района Ростовской области повезло: Миша выжил, хотя его «всею лишь» контузило. Уцелевшего отходили. Но оказалось, Миша навсегда потерял зрение на оба глаза.

*Нет, взрыва не услышал я тогда
Мне уши заслонил ужасный звон!
Уже случилась страшная беда,
А мне казалось – это жуткий сон...*

*Я странный привкус чувствовал во рту,
И ощущал я запах неземной.
«Сейчас проснусь», - я думал на лету,
Не понимая, что стряслось со мной.*

*Куда-то плыл огромный шар огня,
Он подхватил и за собой волок.
Вдруг чьи-то руки вырвали меня.
И голос мамы: «Мой родной сынок!»*

*С кошмарным сном бороться я устал,
Избавиться нет силы от него.
А мамин голос горько причитал,
Но я уже не слышал ничего...*

*И с той поры прошло немало лет...
Как будто наступила тишина.
Но до сих пор мне всё покоя нет –
Всё снится та проклятая война.*

Вот так вот, в конце 42-го, при освобождении хутора Верхняя Калиновка, был тяжело ранен Миха Щербинин...

*Было мне тогда всего семь лет.
Помню, я со стёклами игрался,
И какой стекло имело цвет –
Целый мир таким мне представлялся.*

*Красный, и оранжевый, и синий
Жёлтый, фиолетовый, зелёный,
Голубой – особенно красивый,
И в него я был тогда влюблённый.*

...

*Просыпаюсь я почти счастливый,
Но встречаю – чёрно-просмолённый.*

В тот день – 13 декабря 1942 года – был он у бабушки на улице Криничной – Криничанке. Но вот – пойду домой – и всё тут. А идти километра два – не остановило.

Знал бы, что дома случится...

- Улицы в хуторе Верхняя Калиновка, - рассказывает Михаил Антонович, - назывались своеобразно. Где свинарники – Свинорянка, где криница – Криничанка. Несколько хат стояли на отшибе – Шанхай.

Очень долго именовался хутор Жидовка – так даже значилось на царской карте. В 30-е годы позапрошлого века евреев стали отселять.

А потом уже появилась Верхняя Калиновка. А главная улица носила имя Красная. А район наш – Каиарский.

Тогда в нашей хате было полно румын. Хата – деревянная. Остальные хуторские, в основном, мазанки. Вот потому все к нам на постой и шли.

Румыны – воровливые были очень. Последнюю буханку уносили.

Михаил Антонович вспоминает, что в погреб – при бомбёжках – семья почему-то не пряталась. Ещё вспоминает, что жила неподалёку бабушка-еврейка – всем помогала и всех лечила.

И вот, в тот день – 13 декабря 1942 года – в левый глаз попал осколок. Можно было этот глаз удалить, и тогда правый – остался бы зрячим! Но помощь пришла слишком поздно.

Конечно, родители пытались помочь.

Миша перенёс не одну операцию – и в Ростове, и в Одессе, и в Москве.

Чуда не произошло.

А бывало всяко...

Есть у Михаила Щербинина одно такое очень весёлое стихотворение – дань предвоенной поре:

*Выбегал во двор я спозаранок –
Там отец строгал у верстака.
Взад-вперед сновал его рубанок,
А за ним – стремительно рука.*

Я просил отца – мне дать – на пробу...

Но в руках рубанок не скользил.

Напрягал я всю свою утробу,

Выбивался из последних сил.

И тогда отец с улыбкой, ловко,

*Вновь свою работу продолжал.
«Здесь нужна не сила, а сноровка!»
...И рубанок весело жуужжал.*

Это – просто видеоклип какой-то.

Так и видишь эту золотистую стружку; так и слышишь задорное пение рубанка; так и представляешь себе упрямого карапуза, изо всех силёнок налегающего на рубанок! А тот – ни с места!

Эти озорные строчки – детское объяснение в любви своему папе.

А вот строчки другие. Это уже раздумья взрослого человека:

*Приходит пора,
Когда мы расстаёмся с отцами.
Уходят отцы,
Мы отцами становимся сами.*

*Их жизнь – это быль,
Но была она точно былина.
И труден их путь был
От стольной Москвы до Берлина.*

*Уходят отцы.
Их уносят болезни и годы.
Отцы наши люди
Особой, железной породы.*

*Но даже на них
Отразились былые невзгоды
Военного времени –
После военной погоды.*

И лечиться по городам Советского Союза ездили с папой.

И на буферах пристроиться случалось. А как-то отец взял на крышу вагона, так маленький Мишка чудом остался жив – за малым не скатился...

Всяко бывало.

Даже случилась в его жизни встреча с реальным убийцей – того подонка потом судили. И, как считает Михаил Антонович, на нём – слепом – тот хотел опробовать свою чудовищную задумку.

Что студента Щербинина тогда остановило – и не соблазнился он на настойчивое приглашение ознакомиться с новым гаражом – известно лишь высшим силам.

Помнит только брошенную сквозь зубы фразу: «Ну, живи...»

Позднее, уже наверное, как-то объяснив для себя перипетии своей судьбы, Михаил напишет:

*Я родился в рубашке,
Но рубашка была,
Говорят, нараспашку.
Вот такие дела.*

Нараспашку была и душа.

Не замкнулся маленький Мишка в собственном мире.

Старался, как получалось, общаться со сверстниками и не отставать от них в познании окружающего мира – такого большого и интересного.

Сначала маленькому Мишке читали вслух старшие брат и сестричка.

Но от сверстников отставать не хотелось ни в чём – какое счастье, что, оказывается какой-то иностранный Брайль придумал такие пупырышки-буквочки!

Ему подарили рельефный букварь – и вскоре – читал лучше зрячих.

Рельефная азбука стала не соломинкой – роскошный корвет предоставил свои паруса для плаванья в окружающий мир – такой большой и интересный.

Он даже спать ложился с этими шершавенькими страничками!

Потом – уже во взрослой жизни – поэт Щербинин отдаст дань признательности великому французу:

*Он проводил бессонно ночи,
Чтобы рассеять тьму, как дым.
Открыл простое шеститочье,
Что было делом непростым.*

*Достойно справился с задачей –
Не зря трудился и дерзал:
Он книгу в руки дал незрячим,
Дорогу к свету указал...*

*Когда иду в библиотеку,
Где мудрость жизни познаю, –
Тому большому человеку
Я гимн торжественно пою.*

*Благодаря ему, знакомы
Мне Пушкин, Лермонтов, Шекспир...
Простые точки, но весомы:
В них для меня открылся мир.*

В этих же строчках, кстати, упоминается и наша библиотека – как кладёзь жизненной мудрости.

Спасибо, Михаил Антонович!

А так как библиотеке в этом году исполняется 55 лет, то он – кстати – можно сказать, имеет в Ростове читательский стаж, равный возрасту нашей библиотеки.

Сначала книги ему присылали по письменному запросу – бесплатно. И из московской, и из киевской библиотек для слепых, и из ростовской научной имени Карла Маркса.

Щербинин с улыбкой вспоминает, что почтальон никак не могла правильно выговорить: получалось «Карла Марска».

- Я очень быстро освоил Москву – там был такой магазин «Рассвет»,- продолжает делиться впечатлениями о той поре Михаил Антонович, - специально для слепых. Я выписывал разные книги. «Самоучитель игры на баяне», например. В деревне сам изучал ноты. Играл с удовольствием. А любимое – это вальс «На сопках Манчжурии», песни «Когда я на почте служил ямщиком» и «Одинокая гармонь».

Уже потом, в Ростове, как-то услышала меня Мария Григорьевна Грязнова и очень удивилась: «А Михаил-то, оказывается, играет?»

Или такие воспоминания.

- Бабушка с маминой стороны – Дарья Аверьяновна – меня опекала: «Как он сам что будет делать?»

А вот бабушка со стороны папиной – Ольга Ивановна была строгая – доставалось мне от неё. Я, бывало, в кукурузу прятался

Но она мне доверяла, не боялась вот. Учила всему. И я научился поливать, бил масло в маслобойке, потом сепаратор появился – я и его крутил. Сухие ветки спиливал. Ещё кукурузу чистил и в ступке толоч.

А ещё у нас была мельничка такая – мололи мы кукурузу. И жмых был. В войну делали пряники из жмыха.

А ещё раз наказала бабушка: «Вот, следи, если телок зашуршит сеном – гони». Палка у меня была здоровая – коляка такая. Слышу – шуршит...

Я туда, и колякой этой размахнулся – а то сама бабушка пришла. За малым не попал.

Но вот звали меня учиться в Новочеркасскую школу, тут бабушка не разрешила: «Как же он там один будет?»

Много ещё разных случаев вспоминал из той, детской, поры Михаил Антонович – как забавных, так и печальных.

Как, например, ходили с братом ловить дезертиров...

Или как перевернулась арба с сеном – и баба сидит – ну как ворона в гнезде!

И помнит он из того, дозривного, детства – Новый Год и нарядную ёлку.

Но... когда-нибудь всё кончается. Кончились и детство, и отрочество.

Что было после?

В 1952 году – Азовское УПП – сначала простым рабочим. Чистили просо – делали веники.

Бригадир определил задачу чётко: норма – 10 пучков.

А ещё щётки делали – от трафаретной (для художников) – до морской (металлической, палубу драить). Про пальцы и говорить нечего – исколоты до кости.

Но молодой вязальщик был признан талантливым – освоил премудрость за какой-то месяц.

Жил он тогда у бабушки. Часто вместе с друзьями и с сопровождающими после трудового дня шли домой к Мишке – и бабушка не выгоняла. Можно только подивиться терпению этой женщины...

И опять-таки, всяко бывало. После тёплого бабушкиного крыла оказался в общежитии.

И пили. И деньги воровали.

Как-то за сапоги кирзовые не мог получить свои 100 рублей. Покупатель-сообщезитник просто потихоньку убежал, завидев Михаила.

Вернуть деньги помог зрячий друг.

А как-то в очереди за выпивкой Мишку и других его друзей по несчастью даже за это несчастье поблагодарили.

Мужик продал корову, зашёл в кабак отметить. Отметил, а деньги – уронил. Спихватился, прибежал – лежат на полу.

Так потом полдня умилялся: *«Как хорошо, что вы слепые!..»*

Хорошо?

Конечно, хорошо!

Если наблюдать со стороны.

А как, например, молодая семья искала себе жильё, он и вспоминать не хочет. Это сейчас у них трёхкомнатная квартира.

А тогда... Тогда никто не хотел связываться со слепым.

Через многое пришлось пройти Михаилу и Марии Щербининым. А у них уже и маленькая Вика была.

Но:

По улице иду я с длинной белой тростью,

Способствует она мне скрасить бытиё.

Я принял её в дом, непрошенную гостью,

Она – меня ведёт, а я – веду её.

Первые свои стихи Миша Щербинин написал ещё в детстве.
Потом – в школе и на производстве – сочинял «к датам». Так и называл: «*датская поэзия*».
И вот – первое достижение: стихи на смерть Патриса Лумумбы. Они прозвучали на радио – горюх в 13 рублей казался баснословной суммой!

Михаил Антонович Щербинин очень благодарен за помощь на своей литературной стезе прекрасному поэту Даниилу Долинскому – к сожалению, недавно от нас ушедшему:

*Скажи мне откровенно, Даниил,
Ты в шутку или вправду говорил,
Что ты нашёл в моем стихотворенье
Не только откровенье, но прозренья?*

*О, если бы нашлась одна строка,
Которая была бы глубока
По мысли, выразительности, чувству!
Как Богу, я молился бы искусству.*

*Учитель мой, ты, верно, пошутил
И в похвале ты лишнего хватил.
Пожалуйста, найди такую строчку,
И я на строчке той поставлю точку.*

Не надо ставить точку, Михаил Антонович! Радуйте, пожалуйста, своих почитателей-читателей и впредь.

А о собственном творчестве поэт Щербинин – снова с улыбкой – говорит так:

*И Пушкина, и Тютчева, и Фета,
И Лермонтова в сердце я ношу.
О Господи, прости меня за это –
Но, кажется, стихами я пишу.*

*Конечно, это имена святые,
В них верую, на них молюсь всегда.
Но вирши откровенные, простые,
И сам писать пытаюсь иногда.*

И часто святые имена помогают в написании простых виршей и Щербинину. Дают подсказки.

Например, мы все помним пушкинское

*Москва! как много в этом звуке
Для сердца русского слилось...*

А вот как эта строчка легла в щербининское послание отцу:

*Отец, отец, отец... Как много в этом звуке
Такого, от чего душа была горда.
И вот пришла пора, и мы с отцом в разлуке –
В разлуке без конца, в разлуке навсегда.*

Или гениальное «Письмо матери» Сергея Есенина:

*И о прошлом не грусти, не надо –
К старому возврата больше нет...*

у Щербинина немного изменилось в:

*Ты о прошлом не грусти, не надо,
И его обратно не зови.
Прошлое для нас – страшнее яда,
Что уже находится в крови.*

Это – как раньше сдержанно называлось – лирика «любви и дружбы».
Теперь – более честно – «любовная» лирика. И «эротическая».
А Щербинин – лирик тонкий.
Да и вообще, какой же поэт без любви и дружбы?
Без любовной-то лирики?

Давайте ещё раз просто перечитаем эти такие чудесные строки. Здесь есть всё: и нежность, и лёгкое лукавство, и страсть, и светлая печаль, и забота, и искренняя благодарность.

*Я сам того не признавал:
Уже который год
Как образ твой нарисовал,
И он во мне живёт.*

*То, что предназначено судьбой,
Так неотвратимо и серьёзно.
Верил я, что встретимся с тобой,
Но не знал, что встреча будет поздно.*

*Пусть летят мгновенья и века
В небесах, на море и на суше.
...Жизнь не остановится, пока
Ищут встречи родственные души.*

*Я не пугаюсь нищеты:
Моё богатство – это ты.
И верь, любимая моя,
Твоё богатство – это я.*

*Пусть помолится Богу твой бывший муж.
Но не просит прощенья за нас с тобой.
Если мы и грешны, то не очень уж:
Разве может быть очень грешна любовь?*

*За себя пусть прощенья попросит он
И замолит усердно грехи свои –
Он виновен и грешен со всех сторон,
Потому что не понял твоей любви.*

*Внезапно дождь остановился.
И посмотрел по сторонам,
Как будто очень удивился,
Что погулять мешал он нам.*

*И солнце яркоедохнуло
Горячим хлебом из печи,
Как руки, к лужам протянуло
Неутолимые лучи.*

*И словно ото сна очнулись
Деревья, травы и цветы,
И с тихим вздохом улыбнулись,
Как это можешь только ты...*

*Как будто далёкие годы
Опять возвратились ко мне.
Я чувствую жажду свободы,
И горечь разлуки – вдвойне.*

*В душе моей поздняя осень
Лютует в безумной борьбе.
Я всё, всё на свете бы бросил
И тотчас ушёл бы к тебе.*

*Возможно, ты не ведаешь сама
Безмерное могущество своё,
И скажешь мне, что я сошёл с ума...
Да здравствует безумие моё!*

Да здравствует во веки веков безумие и безумство всех влюблённых!!!

А вот стихотворение несколько иного плана – посвящено трём грациям – трём самым-самым женщинам его жизни!

*Три женщины. И каждая – любимая:
Одна из них – моя родная мать,
Другая – та, что самая красивая,
Которую сумел я отыскать.*

*А третья – та, что так ещё ранимая,
Что нынче ходит только в первый класс.
Три женщины, и каждая – любимая.
И я об этом помню каждый час.*

*Три женщины. И каждая любимая,
И будет так до смертного конца.
Пускай горит любовь неугасимая
И согревает пламенем сердца.*

Если, уважаемые Читатели – представители сильного пола, Вы захотите сказать что-либо доброе своей маме, жене или дочке – милости просим, воспользуйтесь стихами Михаила Щербинина – им понравится!

Как сейчас живёт Михаил Антонович?

Вот недавно – из санатория вернулся – здоровье подправлял.

С удовольствием слушает передачу Виктора Татарского «Встреча с песней».

А к современным попсовым изыскам относится спокойно – ну, раз и такие звёзды зажигают, значит и это тоже кому-нибудь нужно...

В конце концов, своё место под солнцем каждый утверждает согласно своим принципам и своему уровню образованности.

Кстати, в роду Щербининых первым получил высшее образование именно Михаил Антонович.

А сегодня он очень гордится своими внуками-умницами.

Старшая – Елизавета – архитектор, кандидат наук.

Средняя – Дарья – юрист, сейчас пишет кандидатскую.

Младшая – Юлия – заканчивает Юридическую академию.

Так что любимых женщин уже шесть.

И мечтает Михаил Антонович о правнуках.

Ещё одно стихотворение поэта Щербинина, на которое хочется обратить внимание. Посвящено оно одному из самых пленительных вечных образов мировой литературы – донне Анне.

Не важно, даже, чей именно Доногуановский (Доножуановский) вариант вдохновил – все произведения роскошные: Байрон или Корнель, Мольер или Тирсо де Молина, Александр Дюма-отец или Александр Пушкин, Леся Украинка или Алексей Константинович Толстой, Марина Цветаева или Леонид Жуховицкий...

Или в музыке – Глюк, Моцарт, Даргомыжский, Направник, Уэббер...

Не говоря уж о кинематографе.

Один наш Владимир Высоцкий чего стоит!

Но сейчас речь о другом.

Поэт Щербинин сумел очень тонко поведать о той нечаянной радости, о внезапном озарении, о моментальном изменении внутреннего и внешнего мира – обо всём том, что всегда следует за внезапно вспыхнувшим чувством!

Причём, стремительно – как чёртик из табакерки!

(Кстати, сам он так – несколько завуалировано – признаётся: *«Три раза в жизни – как будто змея кусала – яд в душу и сердце... Любовь...»*)

Стихотворение «Донна Анна» звучит как музыка.

Так и слышится – над вечным покоем – размеренный звон католического колокола.

Покоем – пока ещё – не разрушенным Доном Жуаном...

Итак, «Донна Анна».

Ты пришла нежданно, нежданно.

Я о том не думал, не мечтал.

Анна, Анна, Анна, донна Анна!

Я с тобою радость испытал.

Было всё стремительно и кратко,

Словно бы не явь, а только сон,

*Оттого мучительно и сладко,
Что ни ночь, ко мне приходит он.*

*Что ни ночь, мне снится милый шёпот,
Только слов никак не разберу.
А в ушах звучит бесовский хохот,
И меня он будит поутру.*

*Не был я подобен Дон-Жуану,
Жизни я ничьей не загубил.
Я случайно встретил донну Анну,
Только не случайно полюбил.*

*И теперь нежданно, нежданно
Я живу, терзаясь и любя.
Анна, Анна, Анна, донна Анна,
Донна Анна, как мне без тебя?..*

А вот щербининская баллада о пуховом платке «Казачка» явно перекликается с гениальной поэмой Дмитрия Кедрина «Зодчие».

У Кедрина – Государь Всея Руси Иоанн IV Васильевич, по прозвищу Грозный, велел ослепить зодчих, сотворивших ему – Государю Всея Руси – храм Покрова-на-Рву (более известный, как собор Василия Блаженного), дабы не взбрело им сотворить ещё что-то подобное...

У Щербинина же – Государыня Всея Руси (видимо, Екатерина I Алексеевна) велит ослепить уральскую мастерицу-казачку, дабы не вязала она впредь знаменитых оренбургских платков-паутинок!

У неё, императрицы, есть – а другим не надобно!

А Екатерина I – потому, что поэт помяует: «*крестьянка, дворянка, царица ль...*» А то ли крестьянкой, то ли вообще неизвестно кем, отмечена на российском престоле лишь вторая (незаконная) супруга первого императора огромной страны Петра Алексеевича Романова – бывшая чухонская девка Марта Скавронская.

Эта же баллада перекликается и с греческим мифом об изумительной ткачихе Арахне, которой вздумалось потягаться мастерством с самой Афиной!

Богиня в гневе превратила рукодельницу в паука.

Но у Михаила Антоновича конец произведения всё же позитивный.

Ослепшая вязальщица передаёт своё умение подросшей дочери.

Девочка плетёт чудесную «паутинку», и вот, наконец, мать берёт новый платок –

*Он в пальцах её трепетал, оживал,
Будил в ней забытое чувство...
Никто не сумеет убить наповал
Народных умельцев искусство!*

Концовка звучит как гимн всем русским Незрячим, Зрячим, Левшам, Правшам и, наверное, даже, вообще, Безруким!

Как, кстати, говорит о своём творчестве со смущённой улыбкой (в ответ на зрительские восторги) народный артист России – Безруков Сергей: «*Как могу... Я бы, наверное, и Руковым, и Двурковым, и Долгоруковым не сделал лучше...*»

А вот строчки

*В бой пойдём мы снова,
Для победы сил не пощадим!
Мы уже у города Ростова –
Завтра мы его освободим!*

перекликаются со знаменитой, но уж очень пессимистической песней времён Гражданской войны:

*Смело мы в бой пойдём
За Власть Советов!
И как один умрём
В борьбе за это!*

У Щербинина умирать никто не собирается. Просто победа достанется, естественно, дорогой ценой. Но о смерти речи нет, главное – то, что принесём свободу Ростову!

Сегодня Михаила Антоновича – как и всякого порядочного человека – очень волнует наш бесконечный российский негатив.

С болью он обращается к Родине:

*Прости меня, Отчизна дорогая!
Не хлынул бы расплавленный поток,
Всё на пути сметая и сжигая.*

А вот так пишет он о бесконечной кавказской войне, начало которой уже давным-давно потонуло в ушедших веках:

*И губят друг друга там русский с чеченцем,
Забыв Сталинград, и Москву, и Освенцим.*

*Да как же это? Объясните мне:
Сумели откопать царя и знать,
...А мальчиков, загубленных в Чечне,
Порой никак не могут опознать!*

Ведь он как никто другой знает, что такое война:

*Не допусти у внуков жизнь отнять
Как у меня в войну отняли зреньё!*

Трудно ему и понять и принять происходящие в стране перемены:

*Кто думал, что опять орёл двуглавый
Великой будет управлять державой?
Что значат две пустые головы?
Никто не знает до сих пор, увь.*

Он не понимает, почему

*...сверху сыплются реформы,
А вслед за ними – нищета.*

Зато как точно сумел передать Михаил Щербинин ощущение безмерного безысходного горя:

*Умер дорогой товарищ Сталин,
Собрался на площадь весь колхоз,
Мы под репродуктором стояли,
Не скрывали люди горьких слёз.*

*Плакали и взрослые, и дети.
Нам казалось, горю нет конца.
Как теперь мы будем жить на свете
Без вождя, и друга, и отца?*

*Плакали бывалые солдаты,
Подвывали женщины навзрыд.
И, шатаясь, прыгал к нам от хаты
Старый одноногий инвалид.*

*Ясный сокол, в небе обессилив,
Завершил последние круги.
И старухи жалобно просили:
«Господи, помилуй, помоги...»*

Это – тоже выстраданное.

Веришь, что действительно для этих колхозников товарищ Сталин был бесконечно дорогим и что с его кончиной пришёл – ни много, ни мало – конец света и наступает вселенское зло.

А ведь

*Зло коварно и хитро,
Выступает за добро,
Так и лезет напролом,
Чтоб потом явиться злом.*

*За добром оно, как тень,
Всюду бродит, что ни день».*

Но ведь, получается, что

*Не найдёшь добра без зла...
Вот такие, брат, дела.*

Примерно то же самое – разрешите напомнить – говорит Воланд Левию Матвею.

- Я к тебе, дух зла и повелитель теней, - ответил вошедший, исподлобья недружелюбно глядя на Воланда.

- Если ты ко мне, то почему же ты не поздоровался со мной, бывший сборщик податей? - заговорил Воланд сурово.

- Потому что я не хочу, чтобы ты здоровствовал, - ответил дерзко вошедший.

- Но тебе придётся примириться с этим, - возразил Воланд, и усмешка искривила его рот, - не успел ты появиться на крыше, как уже сразу отвесил нелепость, и я тебе скажу, в чём она, - в твоих интонациях. Ты произнёс свои слова так, как будто ты не признаёшь теней, а также и зла. Не будешь ли ты так добр подумать над вопросом: что бы делало твоё добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с неё исчезли тени? Ведь тени получаются от предметов и людей. Вот тень от моей шпаги. Но бывают тени от деревьев и от живых существ. Не хочешь ли ты ободрать весь земной шар, снеся с него прочь все деревья и всё живое из-за твоей фантазии наслаждаться голым светом? Ты глуп.

- Я не буду с тобой спорить, старый софист, - ответил Левий Матвей.

Так эту тему озвучивает великий Михаил Афанасьевич Булгаков.

Роман «Мастер и Маргарита» – сатирический. А Михаилу Антоновичу Щербинину сатира тоже не чужда. Например, басня:

*Ослу доверили дела.
И он уселся у стола.
И был при нём его диплом,
А он, как прежде, был ослом.*

Или вот такие раздумья:

*Меня, признаться, оторопь берёт,
Когда я слышу слово «повышеньё».
Ведь не случайно говорит народ:
«Чем выше взлёт, тем тяжелей паденье».*

А вот как отреагировал Михаил Антонович на помпезное посещение Северной столицы тогдашним Президентом РФ Борисом Ельциным:

*Ельцин Питер посетил.
В Пушкинском музее
Очень громко говорил,
Проводил идеи.*

Далее следует перечисление стандартных и никогда не выполняемых обещаний. И:

*И умчался, не простясь,
Президент-повеса.*

И лукавый вывод:

*...Жаль, что не было в тот час
В Питере Дантеса...*

Или такой прогноз:

*Обещали нам: «Будете с Думою –
Так придут к вам счастливые дни»,
И пошли мы... с сумою. А – с суммою –
Управлять стали нами они.*

*А ещё с этим «мудрым» правлением
Будем дальше катиться мы вниз.
Под его беспредельным давлением
Мы получим и кризис и криз.*

Эти строчки из сборника «Судьба», опубликованного в 1999 году – 10 лет назад. Как в воду глядел! Имеем сегодня такой криз, такой кризис! И не просто кризис, а кризисе!

А вот так, с улыбкой, призывает поэт Щербинин во всём находить золотую середину, иначе:

*Много пил, много ел,
Много женицин имел.
Оттого он таким
Молодым околел.*

*В меру пил, скромно ел,
Лишь жену он имел.
Почему ж он таким
Молодым околел?..*

*Он не пил, мало ел
И ни с кем не дружил.
Всё равно околел.
Так зачем же он жил?..*

Практически, всю свою сознательную жизнь провёл Михаил Антонович в большом городе. Но сердце – сердце постоянно напоминает о милой малой родине – Кашарах. Стихотворения, посвящённые Кашарам – очень светлые, очень лиричные и очень трогательные.

Вот, прислушайтесь!

*Я в городе, словно в неволе.
Так тянет в родные края!
Туда, где широкое поле,
Ушедшая юность моя.*

*Туда, где у речки когда-то
Я слушал, как шепчет камыш.
И снятся мне белые хаты
Под тенью соломенных крыш.*

*Моя дорогая деревня,
К тебе я приехал опять.
Родимого сада деревья
Мне что-то хотят рассказать.*

*И запахи дальнего луга
Доносит весенний рассвет,
Как будто от давнего друга
Пришёл долгожданный привет.*

*Стою, откровенно вздыхаю
У вишен и груш на виду.
Весеннее утро встречаю,
Как в юные годы, в саду.*

*С укором мне шепчут деревья...
Зачем я оставил тебя,
Моя дорогая деревня,
Далёкая юность моя?!*

Или такие строки:

*Родная моя деревушка,
Ты в памяти, как на виду:
Избушка, как будто старушка,
Склонилась в вишнёвом саду.*

*И вижу я вновь, как когда-то:
Скамейка стоит у плетня.
В вечернюю пору девчата
Туда вызывали меня.*

*Луна освещала дорожку,
Дышала земля горячо.
Я брал в свои руки гармошку,
Накинув ремень на плечо.*

*Стремительно пальцы пускались
То книзу, то вверх по рядам...
Загадочно эхо смеялось
По ближним и дальним садам.*

*...Заботами город тревожит.
Порой не сдержать мне тоски –
Так тянет туда, где, быть может,
Забыли меня земляки.*

Забыли, или не забыли, что уж вспоминать...

В 1958 году Михаил получил, наконец, возможность закончить образование. 3 класса – в Ново-черкасской вечерней школе, потом – Ростов.

Уже после войны он экстерном сдал экзамены за школьный курс. И ничего удивительного, вообще-то: в те годы такое было обыденностью.

Михаил Антонович сетует, что слепых тогда освобождали от изучения иностранных языков. В будущем часто пришлось пожалеть, а возможности заняться самообразованием не представилось.

Потом был филфак Ростовского университета, и с 1964 года, до самой пенсии работал Щербинин в системе ВОС.

Заканчивал и Университет марксизма-ленинизма.

- В вузе когда учился, - снова улыбается Михаил Антонович, - мне друг один говорит: «Давай вместе будем. Я тебе помогать буду». Ну, давай. Вот – экзамен. Он зашёл – и всё сидит, сидит. А я из другой группы был, но сдавать надо было вот сегодня.

Он попросил, чтобы меня тоже приняли.

Я захожу, спрашиваю – можно? А преподаватель на него кивает и говорит: «Это что, твой учитель? Если учитель ничего не знает, то что ж с ученика спрашивать?»

А я всё равно прошусь. Ну, он меня принял, а его выгнал. Я всё рассказал по билету, а потом и за этого друга попросил.

Преподаватель говорит: «Ну, ладно, скажи, пусть подойдёт».

Ещё после вуза работал Михаил Антонович в Батайске реабилитологом, а потом попал в организацию незрячих специалистов – РИТ.

Это такая своеобразная, можно сказать, элитная, группа – Работники интеллектуального труда. Создали её при Региональном отделении ВОС. Щербинин был освобождённым председателем – с 1986 по 1996 год – каждый год переизбирали.

Дадим слово сотруднику нашей библиотеки – главному инженеру Владимиру Ильичу Мартынову.

Они вместе работали в РИТе.

- Познакомились мы случайно – палками по земле стучали – перекрестились пути наши на углу Зорге.

Я – студент, недавно в Ростов приехал. А Михаил Антонович здесь уже давно, и опекал меня поначалу. Вот с тех пор и дружим.

Что такое РИТ?

Рабочие как правило работали на УПП. И были все вместе.

А незрячие специалисты, как правило, работали не в системе ВОС. И им было сложно собираться. Какой же начальник будет каждый раз отпускать?

Тогда сложились мощные группы – преподаватели, массажисты, музыканты, юристы, психологи. В 80-х было много программистов. Эти группы были более социально адаптированы. Им оказывалась помощь – в профорientации.

Щербинин всегда утверждал: «Для незрячих очень большое значение имеет дефицит общения».

Вот этот пробел он и старался заполнить. Спонсоров искал. Проводил мероприятия. А в тяжёлые 90-е – просто удерживал людей. Даже психологически.

Мы все на собственной шкуре убедились: те 90-е годы были крайне жестокими. Зрячие, если работу теряли, кончали самоубийством. А каково же, подумайте, незрячему инвалиду?

Позднее люди благодарили Михаила Антоновича: *«Вы меня просто спасли».*

Он занимался реабилитацией инвалидов. Причём не только незрячих.

Щербинин вспоминает, как работал с глухонемой женщиной. Такой хитрый аппаратик был для переговоров: он ей – по Брайлю, а у неё – высвечиваются обычные буквы. Где друг друга поняли, где нет, но главное – подставленное плечо.

Случались во время работы в правлении всякие забавные моменты.

Например, одна девушка Катя (оттуда же – из родных Кашар) как-то не поняла о чём речь – разговор шёл о ВОСе: *«Воз? Какой воз?»*

Ей ответили: *«Да отдел областной – брочка...»*

Она так и была уверена, что у слепых что-то обязательно связано с возами, с обозами...

Ещё Щербинин рассказывает, что была тогда у них на предприятии – для каких-то нужд – лошадь. С не очень уживчивым характером. Естественно, слепые люди могли её и ненароком задеть.

- Зрячего – зараза такая – и цапнуть могла. Но вот парадокс: никогда никого из слепых не трогала. Да-а-а, вот так и жили. А я всё успевал, - подытоживает свой неторопливый рассказ Михаил Антонович.

И ныне он всё успевает: занимается общественной деятельностью, участвует в конкурсах, встречах и фестивалях.

И про стихи не забывает.

Он – постоянный участник литературных объединений «Окраина» и «Созвучия».

Недавно, например, поэты выступали в госпитале.

Он сам признаётся:

*Ты, моя судьба-злодейка,
Всегда ко мне внимательной была,
С меня за эти годы, лиходейка,
Уже седьмую шкуру содрала.*

*Пред волею твоей не упираюсь,
Хоть стал и сам постукивать клюкой.
Иду вперёд, тихонько пробираюсь,
И я не собираюсь на покой...*

Какой покой?

Если столько сил, времени и здоровья отдаётся своему любимому эсперанто-клубу. Эта литературная студия была создана в 1981 году.

*Может скоро соберутся
Люди общего таланта,
Даже слышу – песни льются
На любимом эсперанто.*

Несколько строк об этом – для непосвящённых.

Польский город Белосток.

Летом прошлого года надписи на рекламных табло в белостокских автобусах были заменены на слова и фразы, написанные как-то по-заковыристу.

Акцию приурочили к 150-летию со дня рождения врача-окулиста Людвика Марковича Заменгофа (Заменхоффа) – создателя искусственного языка.

На табло автобусов демонстрировались слова и наиболее употребительные фразы на эсперанто с их переводом на польский – таким образом власти хотели заинтересовать белостоковчан и гостей города изобретением своего знаменитого земляка.

Заменгоф родился 15 декабря 1859 года.

А свою первую книгу – «Международный язык. Предисловие и полный учебник» – опубликовал в 1887 году в Варшаве. В то время Польша входила в состав Российской империи и книга была написана на русском. Псевдоним её автора – «Доктор Эсперанто» – «Надеющийся» – вскоре стал названием изобретения.

Небольшая эта книжка – результат 15 лет работы над основами международного языка. В предисловии к своему учебнику автор писал, что речь идёт не о замене всех языков одним, а о международном вспомогательном языке, который призван облегчить и улучшить общение и взаимопонимание.

Считая, что этот язык должен стать достоянием всех народов, Людвик Маркович отказался от авторских прав на своё изобретение.

В 1905 году – тому уже 105 лет – во французском городе Булонь-сюр-Мер состоялся I международный конгресс эсперантистов. Он собрал 688 участников из 20 стран. Тогда была принята эмблема эсперанто-движения – зелёная звезда, символизирующая пять континентов. А зелёный цвет – это цвет жизни и надежды.

После этого и начался международный вояж новорождённого языка.

Вот эта-то книжечка Доктора Эсперанто и попала как-то в руки Михаилу Щербинину.

И заболел он этим – удивительно певучим, красивым, похожим на испанский – наречием на всю жизнь. Английскому-то выучиться когда-то не вышло...

А ведь ещё в детстве хотелось придумать какой-нибудь свой хитрый язык.

И оказалось, что и Людвик Заменгоф тоже в детстве об этом мечтал!

Сегодняшнее объединение ростовских эсперантистов носит романтическое имя – «Верда вело» – «Зелёный парус».

Основная цель, естественно, общение.

Многое сделано за эти годы.

Достаточно сказать, что звучащие на различных международных встречах песни – и на русском, и на эсперанто – в переводах Щербинина.

А звучат они в чудесном исполнении ростовчанина Валерия Петренко.

С должности руководителя объединения Михаил Антонович ушёл только три года назад. Четверть века – то есть, треть жизни – отдана любимому делу. Немалый срок.

И, потому, наверное, Южно-Российская ассоциация незрячих эсперантистов предлагает в этом году собраться в Ростове-на-Дону и провести международную встречу.

События в рамках этого форума более чем значимые: 150 лет Людвигу Марковичу Заменгофу, 85 – Всероссийскому обществу слепых и 75 – Михаилу Антоновичу Щербинину.

*В моём сердце теплится надежда,
И она ведёт меня вперёд.*

Вот так и ведёт этого человека по жизни верда вело – зелёный парус надежды!

Семь футов ему под килем!

А глобус всё вращается.
Непрерывно...

И всему приходит своё время.
Годам, строчкам.
Дружбам, размолвкам, потерям.

Одно только не подвластно времени – вдохновение творчества.

Тот краткий миг, который разворачивает спирали вселенных – выплёскивает всё, что сжато в душе и в мысли; обволакивает мир щемлящим и восторженным предчувствием – и рука едва успевает выстроить торопливую вязь набегающих одно на другое слов.

Этот миг может случиться раз в жизни. Он может томить ожиданием или ниспадать в самые неожиданные моменты. Он будит по ночам, а порой пропадает на годы.

Но есть редкие люди, в которых творческое вдохновение живёт неиссякаемо, как дыхание.

К таким людям относятся **ПОЭТЫ**.

Что есть суть **ПОЭТА**?
Извечный поиск **СЛОВА**.

Того единственного, что должно начать, продолжить, замкнуть строку, строфу, жизнь.

Да, именно так – жизнь, потому что настоящий **ПОЭТ** рождается и умирает, и снова рождается и умирает, и снова, и снова – с каждым найденным и с каждым отвергнутым словом – бессчётное количество раз.

Михаилу Антоновичу Щербинину это хорошо известно.

И потому давайте вспомним ещё два имени. Они также связаны с войной и с Донской землёй.

В этом году мы отмечаем ещё две знаменательные даты.
Потому – ещё одна страничка.

«ПЯТЁРКИ» В ТАБЕЛЕ-КАЛЕНДАРЕ

Михаил Щербинин считал своим учителем на поэтическом поприще Даниила Долинского.

А ведь у него тоже юбилей.
Только он на 10 лет старше Михаила Антоновича.
15 июля в 2010 году ему бы исполнилось 85 лет...

Пепел белый

Даниил Маркович Долинский.
Ветеран Великой Отечественной войны, член Союза российских писателей, старейшина поэтического цеха Дона, заслуженный работник культуры Республик Ингушетия и Калмыкия.
Награждён многими орденами и медалями.

Его поэзия сродни по звучанию лирике Булата Окуджавы. Они и дружны были когда-то. Вместе начинали свой путь в большую литературу.

Он рано привык преодолевать трудности.
Жизнь научила – в ней было и ранее сиротство, и эвакуация.
И война, которую молоденький сержант Даня Долинский прошагал от Львова до Белграда...

Мальчишка из небольшого украинского городка, в казахской эвакуации попытавший было счастья в актёрской профессии, он – как и положено тогда – 17-летним ушёл на фронт.

Служил в авиации механиком и стрелком. Участвовал в освобождении Молдавии, Румынии, Югославии, Венгрии, Австрии. Был военным журналистом.

И тема войны в творчестве Даниила Долинского – конечно, она навсегда.

*Я – необлётанный птенец,
неопытная птица.*

Это – в едва ли не первом опубликованном им стихотворении, во фронтовой газете, в 44-м. В нём – откровенные и точные ощущения его первого боевого вылета.

И следующее:

*Я к алому полотнищу губами
припал на поле брани. И тогда
гвардейцы всех времён, потрянув чубами,
взглянули удивлённо: «Ты куда?..»*

*Безус... И узкоплеч... Один лишь чубчик...
Глянь – чуть не весь взлезает в кирзачи...
Ну что в тебе гвардейского, голубчик?!»
И мнилось: хохотали усачи...*

*Но посреди столетья мне досталось
не раз – когда под огненным бичом.
дрожа, земля с оси своей срывалась –
в окопах подпирать её плечом!*

И своё 20-летие чудесным победным летом 45-го отмечал уже взрослый мужчина, прокалённый голодом, холодом и – самым трудным на войне – постоянным ожиданием смерти.

Что бы ни говорили – именно это делает мальчишек мужчинами.

*Я возвращался... в полдень летний,
большой, живой, двадцатилетний,
вернулся – детство увидал.
И детство я к груди прижал,
пилотку снял: «Ну вот я, целый!...»
А под пилоткой – пепел белый
сгоревшей юности лежал...*

После демобилизации в 1950 году Даниил Маркович работал в многотиражке завода Ростсельмаш, затем в областной молодёжной газете «Комсомолец». Учился заочно в литературном институте имени Горького.

У Долинского безошибочное чувство слова и слога. Многие современные ростовские поэты – не только Михаил Щербинин – с гордостью отмечают, что получили благословление на творчество от Даниила Марковича.

Он был всегда внимателен к молодым авторам – многим ставил поэтический дар «на крыло».

А скольким поэтам, пишущим на национальных языках, помог Долинский прийти со своим словом и к русскому читателю. Он удивительно щедр в своём творчестве. Он умел чувствовать не только «своё» слово, но и воспринимать, как лично выстраданные, строки собратьев по перу.

Потому так велик багаж переводов, и так же обширен круг друзей-поэтов, чьи произведения переводил он с любовью и трепетом. В наши дни всеобщего разобщения, разъединения всего особенного значимого и ценного – этот литературный труд сродни подвигу.

Его имя широко известно на всём Северном Кавказе, почитаемо наравне с именами лучших национальных поэтов. Если бы было такое звание «Почётный кавказец» – наверное, он бы получил его одним из первых.

Давид Кугультинов, Расул Гамзатов, Кайсын Кулиев и множество других всем известных стихотворцев пришли к нам об руку с Даниилом Марковичем.

Творческая честность – нелёгкий груз. Не каждому удастся избежать тех или иных конъюнктурных соблазнов, тем паче что время, сквозь которое шла поэтическая стезя Даниила Долинского, не очень-то жаловало тех, кто не желал приспособиться к его искорёженным законам.

Он устоял.

Впрочем, ведь у него для этого была прочная опора – за его плечами была война. Место, которое учит не кривить душой.

Есть у Даниила Марковича потрясающее стихотворение – разрешите привести его полностью – о том, как – каждые в своё время – и большевики, и фашисты расправлялись со священнослужителями.

Для Долинского нет разницы в том, кто как молится – Бог един и для немца, и для русского, и для еврея.

Другой вопрос – когда нелюди именем Бога отправляют на костёр...

И поэт верит, что всё равно – за страшной порой холодного лютого неприятия – настанет весна сближения – и зацветёт победная сирень:

*Алеет кровь рябины...
Белеет снег сосны...
Священники, раввины
здесь упокоены.*

*Один – за крест над кровлей.
За жёлтую звезду –
другие. Красной кровью*

они в земном аду

*умылись. И над ними
погасли небеса.
Лишь звездами ночными
к утру цветёт роса*

*перед зарей весенней,
перенимая цвет
их жарких песнопений,
которым смерти нет.*

*Жестокая коррида,
где били неспроста
златозвезду Давида
и златокрест Христа.*

*Один – от револьвера,
от шмайссера – другой...
Смешались с верой вера
в земле, им дорогой.*

*Нет гибели напрасной
с начала дней земли...
Подобьем крови красной
заря встает вдали.*

*От талеса до ризы
квартал ли, два пути...
Оттаяли карнизы.
Сирень пошла цвести!*

А вот это – уже о сегодняшнем дне, о той самой нескончаемой кавказской войне:

*И на стекле – следочек змейкой –
стекал на подоконник в зной
то ли армянской, то ль еврейской,
то ли чеченскою слезой... –*

такие строки растрогают и самого равнодушного.

Песня как оружие

Если Щербинин почитает своим наставником Долинского, то Долинский, в свою очередь, почитал Долматовского.

А Евгений Аронович Долматовский тоже связан с древней Донской землёй.

В Ростове и сегодня живут представители этой фамилии. Его сестра, к примеру – Ирина Адольфовна Долматовская – преподавала мне – Елене Соколовой – в Ростовском пединституте советскую литературу.

В первые послевоенные годы он воспевал новую жизнь – как и многие поэты – в циклах о коммунистическом будущем – писал поэму о Волго-Доне. И, наверное, искренне верил в прекрасное далёко, хотя, конечно, приходилось закрывать глаза на то, что почти вся «эта великая стройка» – на костях заключённых.

И, наконец, могила отца поэта находится на территории московского Донского монастыря.

И у Евгения Долматовского – тоже юбилей.

Стихи этого поэта, положенные на музыку, стали настоящими народными песнями для нескольких поколений советских людей.

Сегодня это уже классика.

Одни из первых – «Моя любимая» и «Любимый город», написанные ещё до Великой Отечественной, были чуть ли не самыми известными на фронте.

Хотя и бойцы, и командиры тогда и представить не могли, что эти стихи принадлежат человеку с очень непростой судьбой – очень уж по-домашнему уютно и лирично песни звучали.

Да и сама война – потом – чуть было не раздавила Женю Долматовского.

Будущий поэт-песенник родился 5 мая 1915 года в семье юриста Арона Моисеевича Долматовского. Отец рассчитывал, что сын продолжит его дело. Но шла I Мировая, и с каждым месяцем ситуация становилась всё непонятнее: у «верхов» управлять по-старому не получалось, а «низы» под влиянием партии большевиков уже хотели всё перевернуть.

После революции Женя выбрал педагогический техникум, где легче было затеряться среди «пролетарской» прослойки. Тогда же послал первые стихи в «Пионерскую правду».

А потом отец посоветовал парню «пересидеть» смутные времена (евреев то и дело обвиняли во всех смертных грехах) где-нибудь подальше.

Тогда Долматовский-младший решил уйти «в подполье» – стал откатчиком на строительстве первой очереди московского метрополитена. А стихи писать продолжал и вскоре поступил в литературный институт.

А когда Евгений готовился к защите диплома, произошло совершенно обыденное для тех лет событие: в одну из ночей чёрный «воронок» увёз Арона Моисеевича. Обвинили в организации контрреволюционного заговора и расстреляли в 1939 году.

В семье обо всём узнали лишь после смерти Иосифа Сталина. Реабилитирован Долматовский-старший в конце 1954 года.

А вот Долматовского-младшего почему-то не тронули и – даже в том же, 39-м, году наградили редким в те времена орденом «Знак Почёта» – за сборник «Дальневосточные стихи», отразившие впечатления о недавней командировке на Дальний Восток.

Всего же за свою деятельность Евгений Аронович был удостоен очень многих наград – как советских, так и международных. В 1950 году стал лауреатом Сталинской премии за цикл стихотворений «Слово о завтрашнем дне».

Его поэзия (с 39-го в качестве военного корреспондента – участника похода Красной Армии на Западную Украину и Белоруссию и в войне с Финляндией, а с 41-го – в боях с гитлеровцами) во многом питалась фронтовыми впечатлениями.

Также и проза. Например, повесть «Зелёная брама. Документальная легенда об одном из первых сражений Великой Отечественной войны».

В ней – в одной из первых в отечественной литературе – рассказана (основанная на личном опыте) правда о начале войны и жестокой несправедливости сталинского государства, поголовно обвинявшего в предательстве всех советских «окруженцев» и пленников.

Во время боев на Украине Евгений попал в окружение, а затем и в плен. Среди красноармейцев не нашлось ни одного иуды, который бы выдал еврея. Но Евгений и сам понимал, что рано или поздно фашисты сей факт обнаружат.

Удалось бежать, и его спасла удивительная украинская женщина Христина Вербина, некоторое время прятавшая поэта.

Вот как написано о пожарищах войны на Украине в поэме «Пропал без вести»:

*Корчилась, вздрагивала дубрава.
Судорогами исходило пламя,
словно металась влево и вправо
петухи с отрубленными головами.*

Но мировую известность Евгению Ароновичу Долматовскому всё же принесли не произведения о войне, а песни.

Песни – задушевные и лиричные, отмеченные близостью к традиционному русскому городскому романсу и в то же время оживлённые свежей образностью, всегда тонко улавливающие боли и радости, ход мыслей и чувств современника.

И особенно – знаменитейший «Случайный вальс». Другое название – «Офицерский». Помните?

*Ночь коротка,
Спят облака,
И лежит у меня на ладони
Незнакомая ваша рука.*

*После тревог
Спит городок.
Я услышал мелодию вальса
И сюда заглянул на часок.*

Этот «Случайный вальс» на самом деле оказался совсем не случайным

Песня была написана в 1943 году в соавторстве с композитором Марком Фрадкиным по личному распоряжению командующего Сталинградским фронтом Константина Рокоссовского.

В тот момент в Ставке Верховного главнокомандующего готовили секретное наступление на Курской дуге. Перед советской контрразведкой поставили задачу: убедить немцев в том, что никаких активных действий не готовится.

В ход были пущены самые разнообразные средства, в том числе и «мелодические».

Наша разведка располагала сведениями, что аналитики абвера судят о готовящихся наступлениях по тому, какие песни звучат в советском радиоэфире – лирические или патриотические. Рассчитывая на убеждённость фашистов в собственных социологических данных, композиторов попросили сочинить лирическое произведение.

Фрадкин и Долматовский за одну ночь в вагоне поезда армии Рокоссовского (из Сталинграда в Елец) написали вальс и назвали его «Офицерским».

Кстати, в поэтическом оригинале поначалу было:

*И лежит у меня **на погоне**
незнакомая ваша рука,*

но позже текст был изменён.

Легенда гласит, что, когда песня попала на прослушивание к Сталину, тот удивился: «*Как это хрупкая девушка достанет до плеча нашего боевого офицера? Он разве не гигант? Армию хотите принизить? И потом, зачем вальс – офицерский? Офицер воевать должен, а не танцевать*».

Высочайшую директиву срочно передали авторам.

Так вальс из «офицерского» превратился в «случайный», а «погон» заменили «ладонью».

Все стихи Долматовского лиричны, гармоничны, проникновенны. И неслучайно после войны написал он ещё много песен, которые не затерялись, а практически ежедневно звучали и звучат за праздничным столом.

Евгений Аронович всегда с удовольствием делился собственным поэтическим опытом, хотя, конечно, научить писать стихи невозможно – это великий и редкий дар.

Рифмовать может каждый. Творить – единицы.

Но Евгений Аронович достаточно долго проработал преподавателем, учил – можно сказать, собственным примером – молодых поэтов азбуке стихосложения.

Но риторический стиль, которым когда-то воспевал Волго-Дон, своим подопечным не внушал.

Вот так.

Долматовский – передавал что-то Долинскому.

Долинский – Щербинину.

Вот такая преемственность.

9 мая в 2010 году исполняется 65 лет, как советский народ спас мир от фашистской нечисти.

Великой Победе – 65.

Михаилу Щербинину – 75.

Даниилу Долинскому – 85.

Евгению Долматовскому – 95.

Вот такие «пятёрки» у нас на календаре.

Раньше «пятёрки» выставляли в табель.

«Пятёрки» в табеле.

А ещё в советское время выпускались очень интересные и очень объёмные «Табели-календари», посвящённые различным юбилейным событиям.

Вот и наши цифры «пять» вошли в такой своеобразный табель-календарь.

Тогда – 9 мая 1945 года –

Великая Победа была новорождённой,

Мише Щербинину сравнялось 10,

Дане Долинскому – 20,

Жене Долматовскому (возможно, он уже величался Евгений Аронович) – 30.

У каждого война своя.

Каждый ассоциирует её с чем-то очень личным.

Миша? Миша был совсем маленьким.

Он запомнил голод, холод, ненавистных румын.

И взрыв.

Даня? Даня запомнил первые (самые страшные) полёты.

Женя? Для Жени война – это плен и послепленное доказывание невинности.

Итак, Великой Победе – 65.

Михаилу Щербинину – 75.

Даниилу Долинскому – 85.

Евгению Долматовскому – 95.

Впрочем, разве есть возраст у поэтов?

Даниил Долинский утверждает, что:

*Нет, стихи не стареют,
лишь становятся старше...*

Особенно, если они выстраданы войной.

Особенно, если довелось авторам увидеть кровавый донской лёд – и в 41-м, и в 43-м.

Дадим слово очевидцу тех далёких событий февраля 1943 года журналисту Михаилу Андреевичу Андриасову. В книге, посвящённой Ростову под иггом оккупации – «Штурм ледяного вала» – он пишет:

- Ростов был освобождён...

Стоял февраль, тот самый месяц, о котором в народе издавна говорят: «Февраль – кривые дороги...» Люди говорят так потому, что в это время года в степи обычно хозяйничают метель да ветер, вьюги заваливают сугробами дороги...

Стоял февраль, по календарю ещё продолжалась зима. Но в ту метельную пору наши солдаты принесли в Ростов весну, она вдохнула в улицы и дома города жизнь, приподняла людей, дала им силу, пробила в сумрачном небе окно к солнцу...

А мысль невольно возвращается к тем тяжёлым, недобрым месяцам...

«Ворота Кавказа в наших руках, Дорога на Баку, Тбилиси и Ереван открыта! Перед нами кубанская пшеница, Бакинская нефть. Арийцы, вперёд! Вас ждут горные вершины легендарного Кавказа. Так спешите покорить их всепобеждающей силой германского оружия! Вперёд, арийцы!», - так, захлёбываясь от упоения, вещал колченогий Геббельс. Это было в двадцатых числах июля 42-го года.

Арийцы поверили. С криками «хайль» устремились они дальше. Через 18 дней им удалось захватить Краснодар. Берлинское радио восторженно надрывалось: «На Восточном фронте всё обстоит превосходно. Там произошли события, которые окажут решающее влияние на исход войны. Солдаты фюрера! Война идёт к концу!»

Но Геббельс поторопился. Настоящая война для арийцев только начиналась. В предгорьях Кавказа... гитлеровская военная машина, «всепобеждающее германское оружие», дали роковую осечку, смертельно надорвались. Удары, обрушенные Красной Армией на фашистов после того, как они «открыли ворота» Кавказа, действительно оказали «решающее влияние», – в смысле начавшегося разгрома нацистов...

Герои Кавказа повернули войну на запад. Бакинская нефть и кубанская пшеница остались в руках добывшего и взрастившего их народа.

Ростову выпала тяжёлая участь. За 17 месяцев четыре раза лавина огня перекатывалась через город. Четыре раза жгли его фашисты. Первый – 21 ноября 1941 года, когда захватили город. Второй – через неделю, когда под натиском наших войск вынуждены были его оставить. Третий – 23 июля 1942 года, когда вторично ворвались в Ростов, и четвёртый – в февральские дни сорок третьего...

Главным орудием осуществления оккупационной политики стал массовый террор.

Повреждены или разрушены почти все основные общественные здания: театры, институты, школы, сожжены библиотеки. Примерно на две трети разрушены здания жилые.

Взорваны дамба Ростов-Батайск и все вокзалы. Уничтожены автопарки. Не уцелел ни один мост. Разграблены полностью склады и магазины.

Газ, вода, электричество – ничего этого нет.

Общий ущерб, причинённый Ростову-на-Дону, исчислялся астрономической суммой – 3100 миллионов рублей.

Но никакими деньгами не оценить человеческие жизни...

Урон, нанесённый хозяйству – примерно, 50%.

А на 31% сократилось население области.

Вступившим в город советским воинам открылась жуткая картина.

Убитые мирные граждане лежали буквально на каждом углу. На армянском кладбище – сразу 200 человек...

В противотанковом рву было обнаружено около 4 тысяч трупов. В балках и трёх рвах песчаного карьера – 15 тысяч. И мужчины, и женщины, и дети...

3 тысячи ростовчан угнаны в рабство.

По городам и районам области цифра замученных гитлеровцами мирных жителей и раненых приближается к 90 тысячам...

Ростовские краеведы считают, что она существенно занижена.

Да даже если и не существенно...

Вот такую цену заплатил город на великой русской реке за то, чтобы *«молниеносная и почётная для избранной германской нации»* война превратилась в Священную Освободительную войну всего мира против фашистской гадины.

Вот таков печальный итог *«славы первого удара»*.

...Что бы ни говорили сегодня о советском периоде в истории нашей страны, одно остаётся неизменным.

Подвиг народа.

Пережить такие, просто неподдающиеся описанию, четыре года, восстановить всё – и в 1957 году (всего через двенадцать лет после 45-го!) запустить I искусственный спутник Земли!

Самое непосредственное участие в его создании принимали и выпускники Ростовского артиллерийского училища – первого в стране специализированного высшего военно-учебного заведения, связанного с космонавтикой...

Ныне это – Ростовский военный институт ракетных войск имени Главного маршала артиллерии М. И. Неделина.

А глобус вращается...

Непрерывно...

Всё в любом случае возвращается на круги своя,
и жизнь всё равно всё расставляет по своим местам.

5 мая 2008 года Президент Российской Федерации подписал указ.

Отныне столица Юга России именуется

«Город Воинской Славы».

*

БИБЛИОГРАФИЯ:

- «Историческая энциклопедия». М.: «Советская энциклопедия», 1974.
Энциклопедия «Великая Отечественная война». М.: «Советская энциклопедия», 1995.
- Афанасьев А. История Донского края. Ростов н/Д: Приазовский край, 2001.
Андриасов М. Штурм ледяного вала. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1975.
Банишевская Ю. Владимир Этуш переплывал Аксай с сапогами под мышкой. // КП-на-Дону. – 2008. – 8-15 мая. – С. 15.
Борзенко В. Остров моей мечты. // Новая городская газета. – 2003. – № 34. – С. 15.
Булгаков М. Мастер и Маргарита. М.: Художественная литература, 1991.
Бусленко Н. Мы не забыли. // Наше время. – 2005. – 14 января. – 2005. – С. 3.
Долинский Д. Дождь во дворе. Ростов н/Д: МП Книга, 1998.
Долматовский Е. Я вам должен сказать. М.: Современник, 1976.
Каминская М. Город первого удара. // Наше время. – 2004. – 19 ноября. – С. 13.
Каминская М. Город первого удара – 2. // Наше время. – 2004. – 26 ноября. – С. 13.
Карель. П. Восточный фронт. М.: Народное издательство, 1989.
Оленев А. Проклятие маршала Жукова ещё висит над героем-земляком Алексеем Берестом? // Вечерний Ростов. – 2009. – 26 июня. – С. 4.
Петров А. Кровный долг Нинель Генераловой. // АиФ-на-Дону. – 2008. – № 51. – С. 3.
Петров А. Ростовский Штирлиц. // АиФ-на-Дону. – № 8. – 2009. – С. 5.
Петров А. Ростовчанин – спаситель Берлина. // АиФ-на-Дону. – 2008. – № 47. – С. 8.
Полежаев Е. Девять павших её сыновей. // Вечерний Ростов. – 2008. – 18 апреля. – С. 4
Пятьдесят твоих песен. М.: «Детская литература», 1967.
Ростов-на-Дону. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1984.
Семёнова Т. Жизнь после смерти. // АиФ-на-Дону. – 2005. – № 26. – С. 8
Смысленко О. Как клоун Яша спасал маленьких узников. // Ростов официальный. – 2009. – 6 июня. – С. 7.
Смысленко О. О ростовчанине сняли фильм в Голливуде. // Ростов официальный. – 2009. – 1 июля. – С. 10.
Шелобод С. Ростов позабыл про 14 тысяч моряков, вставших на пути нацистской армады. // Вечерний Ростов. – 2006. – 18 августа. – С. 7.
Щербинин М. Судьба. Ростов н/Д: ЗАО Ростовской книжное издательство, 1999.
- http://kazakia-vbkv.narod.ru/gdj_137.html
<http://rostov.km.ru/pole.OH>
<http://ru.wikipedia.html>
<http://slovari.yandex.ru>
<http://ve.free-travels.ru>
<http://whoiswho.su/Rostov>
<http://www.avp.travel.ru/4573.uo/6>
<http://www.donland.ru/Archive>
http://www.dontr.ru/n_45.html
<http://www.dspl.ru/history>
http://www.kovcheg-kavkaz.ru/issue_38_360.html
<http://www.mojgorod.ru>
<http://www.rostovdon.ru/news/html>
<http://www.rostov-gorod.ru>
http://www.rostovstroy.ru/vn_Fg_56

<http://www.rostov-time.ru>

<http://www.temernik.ru>

http://www.u-f.ru/ru/Archive/2005/7/25/Article/ID_369

Книга «Непрерывно вращается глобус» рассказывает о неизвестных моментах из истории Великой Отечественной войны на Дону, а также о жизни и творчестве ростовского поэта Михаила Щербинина, потерявшего зрение в 1942 году.